

Фольклор

В фольклоре негидальцев выделяют мифы, сказки, предания, бытовые рассказы, песни, обрядовые жанры.

По воспоминаниям стариков, в прежнее время почти в каждом селении был свой сказочник; лучших рассказчиков приглашали в другие села.

Повествование обычно начиналось утром и длилось до глубокой ночи, а то и до утра.

Сказки знакомили детей с внешним миром. На охоте или рыбалке по вечерам рассказывали сказки о животных или мифы о духах – хозяевах. Этим промысловики стремились привлечь и задобрить духов, обеспечить себе удачу.

Старшее поколение принимало участие в воспитании подрастающего поколения.

Рассказывая сказки, легенды, старики знакомили детей с историей своего народа, окружающим миром, таким образом, передавались народные знания из поколения в поколение.

Два крупнейших и постоянно противопоставляемых носителями “жанра” негидальского фольклора – это т̄алуң и улгу(й). Т̄алуң – род произведений с вымышленным содержанием в то время как улгу(й) считаются действительными событиями, происходившими в прошлом.

Для негидальцев, как и для других народностей Севера, чрезвычайно важным является отношение к содержанию произведения. В улгу верят, поэтому их надо передавать очень точно, ничего не –234– добавляя от себя. Улгу лишены ярких художественных черт, имеют строгий и краткий канонический текст. В это множество входят: мифы, родовые предания, шаманские легенды, былички, охотничьи и бытовые рассказы.

Есть улгу, которые рассказывают только мужчины (например, миф о небесном охотнике Маңи). Кроме улгу, к достоверным повествованиям причисляются произведения с весьма фантастическим содержанием, не имеющие общего обозначения, но входящие в категорию “я сам видел” или “не улгу, не рассказ, а быль-правда”.

К таковым относится, скажем, нарратив о карликах, исчезнувших при появлении людей; предполагается, что это были небесные

люди, жители “верхней земли”. Подобные произведения не вполне вошли еще в разряд улгу, они находятся в процессе становления.

Тем не менее все улгу и “не улгу, а правда” воспринимались носителями как абсолютно достоверные, но подразделялись на “старинные” (например, тотемические мифы) и современные. Тāлуң расценивались как выдуманные, фантастические произведения.

К тāлуң относятся: сказки о животных, бытовые, героического содержания (в том числе и с речитативами), кумулятивные. Хорошие исполнители тāлуң всегда голосом и мимикой изображают своих персонажей (особенно в сказках о животных), дают ремарки, как бы удивляясь или возмущаясь вместе со слушателями.

У “верховской” группы негидальцев тāлуң подразделяются на две категории: гūмэ тāлуң (букв.: словесный тāлуң) и икэвкэчи тāлуң (букв.: тāлуң, имеющий песни, тāлуң с пением). У “низовских” негидальцев подобного членения нет.

Мифы, родовые предания, шаманские легенды, охотничьи и бытовые рассказы входят в категорию «улгу», в которых говорится о действительных событиях, якобы происходивших в прошлом. Они сохраняли для негидальцев историю своего народа.

Песни и припевы были средством развлечения и отдыха. Поговорки и загадки, как интеллектуальный досуг. Наиболее значимыми и многочисленными были запреты «одзяви». «Одзяви» определяли охотничий и рыболовный промысел и также употреблялись в быту. Это было краткое руководство по этике и традиционно – религиозным нормам. Например, негидальцы никогда не произносили вслух слово «медведь».

Священное животное называли уважительно и ласково – «дедушка», «дядя». А если охотник, возвращаясь из тайги, выдохнет короткое «Кук!», сразу понятно, какую добычу везет. И что впереди особый ритуал, участвовать в котором женщинам категорически запрещено. Мужчины разделывали медведя и готовили мясо, но прежде чем приступить к трапезе (по правилам ели только руками), каждый произносил «Кук!».

Миф о происхождении людей от медведя бытовал среди негидальцев. Потерявшаяся девушка в тайге, зачала от медведя. Так произошли люди. Умирая, медведь завещал охотнику никогда не давать женщине есть мясо медведя, самому никогда не есть

мускулы задних ног медведя, не разрешать женщине спать на шкуре медведя, но при этом беречь шкуру и передавать ее потомству по женской линии.

Следуя этим указаниям, мужчины собирали косточки медвежьего пениса и передавали женщинам на хранение в качестве амулетов, напоминающих о происхождении людей от медведя. Верили, что эти амулеты исцеляют от бесплодия и облегчали им роды.

Предания и сказки негидальцев воспроизводят многие исторические сведения об этом народе, о материальных и социальных условиях его жизни в прошлом, религиозных представлениях, ритуалах.

Три дороги.

«Ну, жил один семейный человек, бедняк. Жили до того плохо, что ничего и не добывали, за зверем ли охотились, рыбу ли рыбачили – не добывали, чтобы вдоволь поесть. Жил он, жил и однажды вечером, придя с охоты, задумался:

- Если так жить, как я человеком стану, да и детей людьми не сделаю! – сказал.

Затем продолжал:

- И прежде старики толковали – как бы беден ни был человек, если небо помогала, он хоть что-нибудь начинал добывать, так говорили.

Затем сказал:

- Как же это меня - то небо уродило – вот так и в бедности и умру!

Так вот, плача, говорил, так вот.

Ну, затем легли спать. И вот приснилось ли ему или действительно он видел это собственными глазами (наяву) – показывает ему человек три дороги (три нити):

- то одна из твоих дорог - это будет твоя дорога, идя которой ты станешь убивать зверя, крупного зверя.

Затем еще одна, вторая твоя дорога – это будет твоя дорога, по которой ты будешь охотиться на мелкого зверя.

А вот третья дорога - место, где прежде родились ваши старики. И те, кто родится впредь, будут иметь эту дорогу. И если случится какое-нибудь бедствие, по этой дороге будут просить счастья.

Хорошо ли, плохо ли будет, пока существует то, что носит название «человек», эта дорога будет извечно!

Ну, затем тот человек стал снова ходить на промысел зверя, и с каждым днем в его мыслях словно прибавляться стало, и зверя стал видеть - куда бы ни пошел, без добычи не возвращался. Если подумает – после того сна - если подумает что – либо добыть, удастся. Затем, через полгода, еще больше стал добывать. А затем уже никакого недостатка не стало (начал жить, ни в чем, не нуждаясь), и дети людьми стали, не могли не добыть, как и их отец, каждый день стали добывать».

«Откуда ведут свое происхождение Чукчагили».

«Никто не знает, откуда ведут свое происхождение Чукчагили.», никто не знает, никто не рассказывал, откуда ведут свое происхождение, откуда пришла предки, стариков (Чукчагилей). Никто из сейчас живущих людей хорошо не помнит, что рассказывали старики о происхождении Чукчагилей. В рассказах стариков говорится, что Чукчагирское озеро – место, где родились и выросли Чукчагили. Но ведь не Чукчагирское же озеро родило людей как-нибудь, от кого-нибудь, откуда-нибудь ведут они свое происхождение, откуда-нибудь пришли же, наверное.

Одно предание таково.

Два брата Чукчагиля с озера пошли на Амгунь. Начали ловить рыбу сетью на озере Хуйен. Так рыбачили и наловили много карасей. Однажды вечером, насадив на рожон (для того чтобы испечь у костра) карасей у себя на таборе, пошли посмотреть свою сеть.

И вот, после того как они пошли, на таборе у них поднялся крик. Посмотрели они назад на свой табор – а там множество людей ли, кого ли, такие малюсенькие человечки них на таборе вокруг костра. Тот, который был старше, прыгнул на берег, на крутой обрыв. Прыгнул и побежал к своему табору. А тот, который был младше, удрал на оморочке на середину озера.

Старший брат, добежал до табора, стал бить тех человечков горячей головней. Бил – бил, а когда посмотрел – ни одного человечка нет. Растерялся, оперся на свою головню и стоит; вот стоит и слышит плач вверху: «Жалко старших братьев, жалко

младших братьев, убили», - так говоря, плачут. После случившегося те братья Чукчагили вернулись на озеро домой.

И вот на следующий год, в то самое время, как человечков тех убили, умерли семь человек. Затем и впредь в каждую годовщину стали умирать по семь человек. Так умирали – умирали, и когда осталось восемь человек, попросили шамана посмотреть – узнать, в чем причина.

И тот их шаман сказал: «Вы убили небесных людей - семерых небесных человек вы убили. Поэтому ежегодно в годовщину вашего убийства от вас по восемь человек берут. И если не вы не искупите этого, не помиритесь, все до одного умрете.

Когда шаман так сказал, попросили его подняться наверх, на небо. Чтобы примириться, взаимно отдали: Чукчагили отдали единственную оставшуюся у них девушку, одев ее во все одежды, как если бы отдавали замуж, а небо сверху дало два камня.

После примирения стали возрождаться. Место их возрождения - стойбище Елькук у озера. Когда же их стало около пяти - десяти человек, переехали к Ая Геги.

Стали жить на Ая Геги. Сколько лет прожили, никто не знает. Но когда жили там, одна женщина овдовела. Та вдова была шаманкой. Эту вдову молодежь (холостяки) поговаривали взять в жены. В это время из стойбища Ина – Каменка пришел один человек. Пришел, и, расхаживая по гостям, всем соседям говорил: Кажется, соседи намерены взять вдову в жены.

Так и расхаживал по соседям с этими рассказами. После того как он понаврал, начали просить свою шаманку покамлать (провести обряд). А когда та начала петь, обращаясь к духам, чтобы приступить к обрядовому камланию, закричали и стали драться.

Когда стали драться, то, защищая друг друга, все мужчины ввязались в драку. Когда они стали драться, их шаманка прыгнула в воду (в озеро) вместе со всем шаманским облачением, держа бубен и колотушку.

Говорят, та шаманка теперь стала хозяйкой озера.

Имя того человека, что пришел из Каменки, было Согдэкон. Во время начавшейся драки, в Согдэкона попали стрелой. И вот Согдэкон, почувствовав себя плохо, побежал к верхнему по течению реки мысу и, сев на горке, находящейся на этом мысу, стал смотреть, считая, сколько человек упало. Когда он сидел,

кровь его лилась и струилась вниз по горке, что, говорят и сейчас видно.

После того как кончили драться и убивать друг друга, Согдэкон, потихоньку украв, утащив оморочку, отправился обратно на Амгунь и, добравшись до перелеска, стал переходить через перелесок. Перейдя через перелесок, вечером добрался до Амгуни, до того места, где двое из его близких (из родни) лучили рыбу.

Увидев, что его родственники лучат рыбу, стал подслушивать и подсматривать. Когда два его родственника лучили рыбу, сидящий на корме человек сказал: «Жив ли сейчас Согдэкон?» Когда он так сказал, передний, сидящий на носу человек, сказал: « О Согдокёне не беспокойся. Согдэкон не пропадет. Поди – ка и сейчас где – нибудь подслушивает». И когда они, так разговаривая, поплыли вниз по течению и добрались до берега, Согдэкон застрелил из лука, насмерть сидевшего на корме человека».

Примечания:

Предание связано с Чукчагирским озером и той группой верховских негидальцев рода Чукчагиль (эвенк. Чукчагир), которая жила в стойбище Елькук. То место, куда братья отправились на рыбную ловлю, располагалось на левом берегу р. Амгунь в 12 км. от Керби (ныне село им. Полины Осипенко), называлось по – негидальски Хуйен.

Это старинное негидальское село позднее переименовалось в «Старое Казарово».

В предании отразились старинные нормы обычного права негидальцев и различных воззрений: представления о «верхнем мире» и его обитателях, сведения о кровной мести за убийство сородичей, о чем в предании говорит факт ежегодной смерти семерых Чукчагилей, которую шаман объяснил, как возмездие за смерть семерых «человечков» - обитателей верхнего мира, убитых страшим братом;

возможность прекращения кровной мести путем выкупа, в предании ф форме принесения в жертву девушки, которую убили, отдавая как невесту в верхний мир;

роль громовых стрел или топоров – двух черных камней, которые в знак примирения дало небо и которые долго хранились у Чукчагилей, впоследствии их выбросили, так как одно время у них

не было шамана, без шамана же эти камни «амбаптича» - превратились в убежище злого духа и стали приносить вред;

наличие обычая левирата – женитьба на вдове умершего старшего сородича;

представление об утопленнике как существе, которое становится обитателем водной стихии – «му бэйэнин»;

представление о духе – хозяине: шаманка, утонувшая в озере, стала «духом – хозяином, владычицей озера». При посещении озера негидальцы бросали ему в жертву еду и табак, а на берегу на вершинке молодого деревца, березки или лиственницы, привешивали новые лоскутки, прошив дважды их ниткой.

Последний обряд назывался «холгавви буһаду, кэсией гэлавви» - пожелание благополучия, просьба об удаче, счастье.

Текст предания в целом рисует отдельными штрихами картину быта и взаимоотношений: ловля рыбы сетями и лучение, печение пойманной свежей рыбы, нанизанной на деревянный вертел – рожон, воткнутый в землю у костра, использование лука как оружия, отголоски брачных обычаев (женитьба на вдове), способы передвижения с Амгуни на озеро (перетаскивание берестяного челна – оморочки через перелесок) и др.

Негидальская песня

Поет мужчина любимой женщине:
Сестра единственная, куда бы ты ни пошла, - меня бери с собою.
Во время зимнее поедешь ли куда, - меня бери с собою.
На передок у нарты посадив, - меня бери с собою.
Во время ж летнее когда поедешь, веревкой оморочки
Меня за талию перевязав, потянешь за собою.
Сестра единственная, так плачу днем и ночью,
Словно кукушка кукует иль голубь воркует, так плачу я,
Если б ты уткой была, то сети я бы поставил.
Если б сети попала, в плохую погоду не клал бы.
Если б зверем была бы ты, я бы след твой выслеживать стал.

Поговорки – приметы

«Сазан во сне тебе приснился что ли – сердитый ходишь? Сазана во сне видеть плохо – сердитым быть».
«Щука во сне тебе приснилась что ли – угрюмый ходишь? Щуку во сне видеть плохо – угрюмым быть».

«Карась тебе во сне приснился что ли – растерянный ходишь?
Карася во сне видеть плохо – растерянным быть».
«Сом во сне тебе приснился что ли – сонный ходишь?»
«Осетра во сне видеть плохо».
«Сига во сне видеть хорошо – узнаешь хорошее, услышишь хорошее».
«Ленка во сне видеть хорошо – веселым, удачливым быть».